

†ΚΕ[Υ]ΡΙΕ ΒΟΗΘΕΙ Τῷ Σῶ ΔΟΥΛῶ ΜΙΧΑΗΛ ἈΡΧΟΝΤΙ ΚΑΙ ΔΟΥΚΑ ΜΑΤΡΑΧΟΥ ΚΑΙ ΠΑΣΗΣ ΧΑΖΑΡΙΑΣ
 †Κ(ύρι)ε βοήθ(ει) τῷ σῶ δούλ(ω) Μιχαήλ ἀρχοντι (καί) δουκα Ματράχ(ου) καί πάσης Χαζαρίας

†ΚΕ[Υ]ΡΙΕ ΒΟΗΘΕΙ ΜΙΧΑΗΛ ἈΡΧΟΝΤΙ ΜΑΤΑΡΧΟΥ, ΖΙΧΗΑΣ ΚΑΙ ΠΑΣΗΣ ΧΑΖΑΡΙΑΣ
 †Κ(ύρι)ε (βοή)θ(ει) Μιχαήλ ἀρχοντ(ι) Ματράχ(ου), Ζιχήας (καί) πάσης Χαζαρίας

Рис. 1. Три типа печатей Олега–Михаила (ок. 1083 – нач. 90-х гг. XI в.).

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)

БРАТСТВО ФИТЯН В КРЫМУ И ЧАША СО СЦЕНОЙ ПИРА ИЗ СОЛХАТА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV В.)

Аннотация: Братства *фитйан* (юношей), получившими название «ахи» («мой брат»), возникли в аббасидском халифате (750–1258) и были распространены в Иране, Средней Азии, но особенно в исламской Малой Азии. Ахи выработали регламентированный устав и получили большое влияние на ремесленные корпорации, особенно в государстве сельджуков Рума. Здесь в начале 40-х гг. XIV в. с братством познакомился арабский путешественник Ибн Баттута, на которого большое впечатление произвело радушие, хлебосольтво, услужливость и нетерпение к несправедливости этих юношей. Из сельджукской Анатолии традиция братств ахи перешла в золотоордынский Крым. Несмотря на органическое слияние с жизнью улицы (во многом благодаря яркой обрядности, музыке и веселью), тема жизни молодежных братств не отложилась в художественной культуре Востока. Исключение составляет керамическая чаша первой половины XIV века из раскопок в Солхате (Крым). В ее декоре изображена сцена пира молодых людей в гранатовом саду, в которой можно опознать черты обрядности, свойственной братствам *фитйан*. Декор чаши из Солхата свидетельствует о жизнеспособности традиций исламского Рума вне Анатолии и сельджукском вкладе в формирование культуры золотоордынского Крыма.

Ключевые слова: братство *фитйан*, государство сельджуков, Рум, золотоордынский Крым, пир в гранатовом саду.

Свидетельства о братствах *фитйан* («юношей»), получившими название *ахи* («мой брат»), приходят в Крым из Анатолии, что одним из первых отметил российский востоковед и тюрколог В. А. Гордлевский [3, с. 111]. В Малую Азию идеи и обрядность *футуввы* проникли при 'Изз-ад Дине Кай-Кавусе I (1210–1219) – тесте аббасидского халифа ан-Насира. Ее народная линия (*футувва* постепенно сближалась с суфийскими *тарикатами*) и была подхвачена братствами *ахи*.

Выдающаяся роль в распространении принципов, исповедуемых ахи, в которых высоко ценились человеческое достоинство, честность, ремесленное мастерство и радушие (гостеприимство), принадлежала основателю «Братства ахи» в Анатолии *Ахи Эврану* (1172–1261).

Его полное имя *Насреддин Абул Хакайык Махмуд бин Ахмет*. В юности *Махмуд бин Ахмет* брал уроки у последователей Ходжи Ахмета Йесеви. Около 1227 г. он прибыл в Конью по приглашению султана Алаэд-дина Кей-Кубада I, где основал кожевенную мастерскую и выступал с проповедями. После смерти султана, Ахи Эвран переезжает в Кыршехир. Здесь, как участник антимонгольского движения, 89-летний суфий был казнен. В память о нем воздвигнут мавзолей у городской мечети в центральной части Кыршехира (1482 г.). При жизни Ахи Эвран пользовался особым авторитетом у ремесленных братств Рума; после смерти в нем стали видеть покровителя кожевенников и еще тридцати двух различных ремесел.

Одна из самых ярких картин из жизни ремесленных братств Анатолии запечатлена арабским путешественником и кадием из Танжера (Марокко) Ибн Баттутой (1304–1368 или 1377). Книга озаглавлена «Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах странствий». Наиболее полно в ней представлены обычаи *фитйан* Анталыи. «...Их (членов братства – М.К.), – рассказывает Ибн Батута, – можно встретить во всех туркменских землях Рума, в каждой области, в любом городе и деревне. Никто в мире не сравнится с ними радушием к чужеземцам, хлебосольством, услужливостью, нетерпимостью к тиранам. <...> Ахи у них – это человек, собирающий людей своей или других профессий, как правило, неженатых. Они делают его своим предводителем. <...> Ахи строит обитель, обставляет ее мебелью, светильниками и всем необходимым. Его товарищи днем трудятся, чтобы заработать себе на жизнь, а к вечеру приносят ему выручку и на нее покупают фрукты, еду и все, что необходимо для содержания обители. Если в этот день появляется странник, они поселяют его у себя и оказывают ему самый радушный прием. Он остается у них до тех пор, пока снова не отправится в путь. Если же гостей нет, они собираются за совместной трапезой, едят, пьют, танцуют, а поутру уходят на работу (здесь и далее выделено мной – М.К.). К вечеру они возвращаются к своему предводителю и приносят ему свой заработок. Их называют *фитйан*, а предводителя их, как мы уже упоминали, зовут *ахи*...» [8, Vol. 2, p. 264].

Закономерен вопрос, нашло ли отражение праздничное застолье *фитйан* в исламской изобразительности? В 1987 г. на городище Солхата (Юго-Восточный Крым), при исследовании нижних кладок одной из средневековых мечетей города в заполнении землянки, предшествующей мечети, в слое с монетами первой половины XIV в. археологами найдена поливная чаша с желто-зеленой глазурью со сценой пира (рис. 1). Ее декор выполнен в технике сграффито (диаметр чаши 35,5 см, высота 15,7 см).

На внешней стороне чаши изображена сцена веселья и пира молодых людей в гранатовом саду; внутри – рыбы и кусты граната. Техника исполнения многофигурной композиции сближает солхатскую чашу с малоазийско-анатолийскими образцами, для которых характерно изображение мужских образов [6, p. 113–125; 7, p. 537–540; 4, с. 171–180]. Эта сельджукская традиция указывает на линию гончарства, перенесенную на крымскую почву мастерами из Анатолии.

Сюжет декора чаши из Солхата со сценой пира, несомненно, отражает общественные вкусы и ритуалы, принятые в ремесленных объединениях исламских общин Юго-Запада Золотой Орды. Их существование в Крыму подтверждается упоминанием «*алемдара ахи*» в тюркской надписи кенотафа 776 г.х. (1374 г.) [2, с. 3, 4]; в 1333 г. Ибн Баттута встретил в Азаке ножовщика из братства ахи.

Солхат изначально складывался как поселение, в котором монголы и тюрки, прошедшие этап седентаризации, а вместе с ними многочисленные мигранты из ближних и дальних районов Северного Причерноморья, оказавшиеся на Юго-Востоке Крыма, образовали многосоставное неоднородное культурное пространство [5, с. 245–250]. Естественно, что «национальные» маркеры в таком полиэтническом ландшафте вынужденно отступили перед маркерами исповедальных групп, легитимированных в формате мировых религий. В условиях *интегративного пространства, порожденного чингисидской глобализацией*, каждая из религиозных общин – христианская, иудаистская и исламская – были не просто неоднородны этнически и культурно, но еще и гетерогенны в рамках входящих в них конфессий и толков. Так, христианская община объединяла представителей ортодоксального православия, несторианства, католичества и григорианства; иудаистскую общину составили представители раббанитов и караимов из Ближнего Востока и Европы. В исламской общине, где доминировали монгольские и тюркские реалии, сложилось суннитское большинство с четырьмя *мизхабами* (богословско-правовыми школами) – *маликитским, шафшитским, ханафитским* и *ханбалитским*.

Исламскую общину, занявшую доминирующее положение в городе Солхате со времени Узбек-хана (1312–1341), в 1360-е годы возглавили перешедшие к оседлости представители элит монгольских родов *кыйат* (приверженцев *беклярибека* Кучук Мухаммеда – Мамая) и *найман* (сторонников *улусбека* Кутлуг-Буга). Заметное место на периферии этой группы лидеров заняли духовные авторитеты, в том числе, из числа сельджуков Рума. Среди них назовем имя *Абу Бакра Руми*, автора персоязычного суфийского трактата «*Каландар-наме*», недавно переведенного И. Р. Гибадуллиним и М. Р. Шамсимухаметовой [1]. Абу Бакр родился в Акхешире (Анатолия), но до конца жизни служил *имамом* одной из двух пятничных мечетей Солхата. Дорогу в Крым мигрантам из Малой Азии проложило окружение поселенного в 1267 г. в Крыму экс-султана Рума ‘Изз ад-Дина Кей-Кавуса II (султан Рума 1246–1257; ум. 1280). Орда Кей-Кавуса пришла из Анатолии через Добруджу [9, p. 639–667]. В Крыму Кей-Кавусу в *икта* были переданы Солхат и Судак.

В жизни общины сельджукские традиции нашли проявление практически во всех основных формах религиозной жизни, в стилистике памятников архитектуры и строительных технологиях, в производстве столовой посуды и малых формах ювелирной пластики [4, с. 164–198, 206–218, 254–270]. Возможно, с сельджукской миграцией связана и находка неподалеку от Солхата (близ бывшей дер. Суук-Су), вероятно, из разрушенного святилища, каменной стелы XII – начала XIII вв. с изображением воина-сельджука.

Чаша из собрания Эрмитажа с изображением пира молодых людей из братства *фитйан* – уникальна как артефакт археологии, но ее декор и манера изобразительности типичны для поливной керамики Рума XIII–XIV веков. Сюжет чаши дает представление об усвоении обрядности *футтувы* в повседневной жизни одного из городских центров Крыма в период распада государства Сельджукидов в Малой Азии. Сохранение гончарной техники, стилистики и декоративных приемов, которые благодаря анатолийским мигрантам унаследовал Солхат, свидетельствует о жизнеспособности традиций исламского Рума вне Анатолии и сельджукском вкладе в формирование культуры золотоордынского Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Пер. с персидского И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; Общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.
2. Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. I (58). (Отдельный оттиск).
3. Гордлевский Вл. Государство сельджукидов Малой Азии. М., Л., 1941.
4. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб., 2012.
5. Крамаровский М.Г. Солхат: от яма к городу (этапы роста и векторы культуры) // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь, Керчь, 2018.
6. Öney G. Human Figures on Anatolian Seljuk Sgraffiato and Champlévé Ceramics // *Islamic Art and Architecture in Honor of Katharina Otto-Dorn*. Malibu, 1981. № 1.
7. Redford S. Kinet Höyük'te bulunan bir kase // *Konya Kitabı X, International Symposium Turkish Art and Archeology, in honor of Prof. Dr. Olus Arik and Ruçhan Arik / Eds. H. Karpuz, O. Eravşar*. Konya, 2007.
8. *Voyages d'Ibn Batoutah: en 4 vol.* / Texte arabe, accompagne d'une traduction par C. Defremery et B.R. Sanguinetti. Paris, 1853.
9. Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1952. Vol. XIV. Part 3.

REFERENCES

1. Abu Bakr Kalandar Rumi. *Kalandar-name: izbrannoe*. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017.
2. Akchokrakly O. Starokrymskie i otuzskie nadpisi XIII–XV vv. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, Simferopol, 1927, T. I (58).
3. Gordlevskiy Vl. *Gosudarstvo sel'dzhukidov Maloy Azii*. Moscow, Leningrad, 1941.
4. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda, Vizantiya, Italiya*. St-Petersburg, 2012.
5. Kramarovskiy M.G. Solkhat: ot yama k gorodu (etapy rosta i vektory kul'tury). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XIX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy"*

i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii", Simferopol, Kerch, 2018.

6. Öney G. Human Figures on Anatolian Seljuk Sgraffiato and Champlévé Ceramics. *Islamic Art and Architecture in Honor of Katharina Otto-Dorn*, Malibu, 1981, No 1.
7. Redford S. Kinet Höyük'te bulunan bir kase. H. Karpuz, O. Eravşar (Eds.), *Konya Kitabı X, International Symposium Turkish Art and Archeology, in honor of Prof. Dr. Olus Arik and Ruçhan Arik*, Konya, 2007.
8. *Voyages d'Ibn Batoutah: en 4 vol.* Paris, 1853.
9. Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 1952, Vol. XIV, Part 3.

M. G. KRAMAROVSKY

State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia)

THE FITYAN BROTHERHOOD IN THE CRIMEA AND THE BOWL FEATURING FEAST SCENE FROM SOLKHAT (FIRST HALF OF THE FOURTEENTH CENTURY)

Abstract: Brotherhoods of the *fityan* (youth), who were called “*ahi*” (“my brother”), appeared in the Abbasid caliphate (750–1258) and were spread in Iran, Central Asia, and especially in Islamic Asia Minor. The *Ahi* developed a regulated charter and greatly influenced corporations of craftsmen especially in the Seljuk state of Rum. There, in the early 1340s, Arab traveller Ibn Battuta got acquainted with them and was much impressed by these youth's hospitality, board, helpfulness and impatience to injustice. From Seljuk Anatolia, the tradition of *Ahi* brotherhoods went to the Golden Horde Crimea. Despite its organic merging with the street life (in many respects due to its bright ritual, music, and fun), the theme of the life of youth brotherhoods did not appear in the artistic culture of the East. The exception is the ceramic bowl from the first half of the fourteenth century excavated in Solkhat (Krym). Its decoration depicts a scene of young men feasting in pomegranate garden, where one can identify the features of ritualism typical of the *fityan* brotherhoods. The decoration of the bowl from Solkhat testifies to the viability of the traditions of the Islamic Rum outside Anatolia and the Seljuk contribution to the formation of the culture of the Golden Horde Crimea.

Keywords: *fityan* brotherhood, Seljuk state, Rum, Golden Horde Crimea, feast in pomegranate garden.

Рис. 1. Поливная чаша со сценой пира из Солхата.

1 – общий вид, 2-4 – сохранившиеся фрагменты росписи наружной стороны.

Д. А. ЛОМАКИН

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ПРОЧТЕНИЕ ДЛИНОЙ В 155 ЛЕТ: НАДПИСЬ НАД МИХРАБОМ МЕЧЕТИ В СУДАКЕ¹

Аннотация: Систематизирована обширная история изучения латинской надписи, размещенной на наличнике михраба мечети в Судак. Приведены и проанализированы основные варианты ее прочтения, начиная с подвижничества В. Н. Юргевича во второй половине XIX в. и заканчивая современной трактовкой. Наиболее спорными моментами являются датировка надписи и идентификация личности Г. Каталано, чье имя в ней увековечено. Установлено, что, несмотря на более чем полутораветковую историю исследования, применение современных технических средств и технологий, требуются дополнительные изыскания с целью окончательного преодоления многочисленных разногласий и разночтений, прекращения научных дискуссий по данному вопросу.

Ключевые слова: Судак, михраб, надпись, прочтение, история изучения, историография.

Надпись, размещенная на наличнике михраба бывшей мечети (рис. 1–2), расположенной на территории современного Музея-заповедника «Судакская крепость»², более полутора веков привлекает внимание исследователей. Начиная с 60-х гг. XIX в. продолжают регулярные попытки ее прочтения, перевода и датировки, но даже на современном этапе исследования, несмотря на наличие высокотехнологичной компьютерной техники и фотоаппаратуры, в научной среде нет единства в этом вопросе, окончательная точка еще не поставлена.

Первые обстоятельные попытки изучения надписи относятся к подвижничеству В. Н. Юргевича, опубликовавшего на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД) в 1863 г. ее перевод:

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

² Памятник федерального значения (распоряжение Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17.10.15), расположен по адресу: Республика Крым, г. Судак, ул. Генуэзская крепость, д. 1.